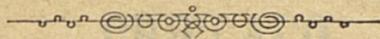

457 ЖИТИЕ

СВЯТАГО

ДИМИТРІЯ,

Митрополита Ростовскаго.

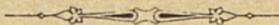
Изданіе Лочетнаго Члена Ростовскаго Общества Хоруг-
веносцевъ А. Х. Оппель.

ВЪ ПАМЯТЬ ДВУХСОТЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

ПРИБЫТІЯ СВАТИТЕЛЯ ДИМИТРІЯ НА РОСТОВСКУЮ МИТРОПОЛІЮ.

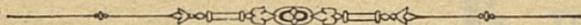

1702 г. марта 1 дня—1902 г. марта 1 дня.

Составлено по рукописямъ и печатнымъ источникамъ

А. А. ТИТОВЫМЪ.

Ростовъ-Ярославскій.

Типографія А. Х. ОППЕЛЬ, на Окружной улицѣ.

1902.

ЖИТЪ

СВѢТЛО

ДНМТРИ

Митрополита Ростовскаго.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать
дозволяется. Москва, февраля 7 дня 1902 года.

Цензоръ, Протоіерей *Александръ Смирновъ*.

1902 г. марта 1 дня — 1902 г. марта 1 дня.

Составлено по рукописямъ и печатнымъ источникамъ

Ростовъ-Ростовскій.

Издатель А. Х. Олелько, на Олелькиной улицѣ.

Ж И Т І Е

СВЯТАГО

ДИМИТРІЯ,

Митрополита Ростовскаго.

ЖИТІЕ
СВЯТАГО
ДИМИТРІЯ,
Митрополита Ростовскаго.

Святитель Димитрій родился въ 1651 году въ мѣстечкѣ Макаровѣ, находящемся въ 40 верстахъ отъ Кіева. Родители его были рядовой казакъ макаровской сотни кіевскаго полка Савва Григорьевичъ Туптало и жена его Марія Михайловна. Савва Туптало происходилъ изъ шляхетской фамиліи Савичей. По свидѣтельству самого святителя, родители его были люди глубоко-вѣрующіе и отличались примѣрной благочестивой жизнью. Наибольшее вліяніе на умъ и сердце Даніила (такъ звали въ мірѣ св. Димитрія) оказывала его черезвычайно религіозна мать, такъ какъ по дѣламъ своей службы отцу его рѣдко приходилось бывать дома. Безъ сомнѣнія, ея же постояннымъ заботамъ объ истинно-христіанскомъ воспитаніи своихъ дѣтей сестры Даніила обязаны тѣмъ, что всѣ три, Памфілія, Февронія и Параскева, приняли впослѣдствіи постриженіе и были пре-

емственно игуменіями ими же основаннаго Никольскаго Іорданскаго монастыря. Первоначальное образованіе Даніилъ получилъ дома, гдѣ научился читать и писать по-славянски. Наученный грамотѣ, онъ былъ отданъ своими родителями для дальнѣйшаго образованія въ училище при Кіевскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, въ которомъ преподавателемъ тогда состоялъ знаменитый въ то время духовный писатель Іоанникій Голятовскій. Здѣсь онъ съ особенною любовію и прилежаніемъ отдался изученію наукъ и, благодаря своимъ большимъ природнымъ способностямъ, вскорѣ занялъ мѣсто въ числѣ лучшихъ учениковъ училища и обратилъ на себя вниманіе, между прочимъ, нѣкоторыми самостоятельными работами въ стихотворствѣ. Даніилъ учился здѣсь въ продолженіи трехъ лѣтъ и преимущественно занимался чтеніемъ книгъ св. Писанія, твореній отцовъ и учителей церкви и житій святыхъ, а въ праздники и воскресные дни нелѣпно ходилъ въ церковь Божию для молитвы. Еще при поступленіи своемъ въ училище Даніилу пришлось быть свидѣтелемъ торжественнаго внесенія новообрѣтенной чудотворной иконы пресв. Богородицы, Братской, въ новую церковь училища. Чудное нахожденіе иконы, на которой вплавъ спасся татаринъ, сильно подѣйствовало на впечатлительнаго юношу и еще болѣе усилило его религіозное настроеніе. Оно невольно должно было отразиться и на всей послѣдующей жизни Даніила: онъ отличался благо нравіемъ и безукоризненнымъ поведеніемъ, такъ что и тогда легко можно было предвидѣть заранѣе, какой путь жизни изберетъ себѣ Даніилъ. Въ 1665 году Кіево-Братскій монастырь былъ опустошенъ поляками; зданія его были разрушены,

и Данииль долженъ былъ удалиться въ домъ своего отца.

Живя въ родномъ домѣ, Данииль не оставялъ занятій тѣми науками, которыя онъ изучалъ въ Кіево-Братскомъ училищѣ. Но склонность къ тихой, уединеной, созерцательной жизни и глубокая религіозность, а также слабое здоровье заставили Даниила избрать иноческій путь жизни. И вотъ, когда ему исполнилось 17 лѣтъ, Данииль, съ согласія своихъ родителей, ушелъ изъ дома отца въ Кирилловскій монастырь, лежащій на живописной горѣ, въ 3 верстахъ отъ Кіева. Тамъ въ 1668 году, іюля 9 дня, онъ принялъ монашескій чинъ съ именемъ Димитрія отъ игумена того же монастыря Мелетія Дзика, бывшаго ректора Кіево-Братскаго училища. Иноческая жизнь, свободная отъ мірской суеты, давала ему теперь возможность осуществить свою давнишнюю мечту—быть подражателемъ духовно-нравственныхъ подвиговъ великихъ угодниковъ Божіихъ Антонія и Θεодосія, первоначальниковъ обители Печерской, сказанія о которыхъ приводили его въ религіозное воодушевленіе. И дѣйствительно, ставъ инокомъ, св. Димитрій строго слѣдилъ за собою и старался неуклонно во всемъ исполнять данные имъ иноческіе обѣты смиренія, послушанія и братолюбія. Во вниманіе къ его безупречной и добродѣтельной жизни св. Димитрій былъ посвященъ 25 марта 1669 года въ санъ іеродіакона Іосифомъ Нелюбовичемъ Тукальскимъ, митрополитомъ Кіевскимъ. Это посвященіе происходило въ г. Каневѣ, въ Каневскомъ древнемъ монастырѣ, при архимандритѣ Іовѣ Заіончковскомъ. По посвященіи, до 1675 г., св. Димитрій жилъ въ томъ же Кирилловскомъ монастырѣ. И здѣсь, въ тиши одиночества, въ

свободное отъ молитвенныхъ подвиговъ время онъ продолжалъ усердно заниматься изученіемъ богословскихъ наукъ, много читалъ, писалъ и сочинялъ „повелѣнная отъ игумена или отъ другихъ вышнихъ начальниковъ“. Св. Димитрій служилъ въ санѣ іеродіакона 6 лѣтъ и за это время сдѣлался извѣстенъ всѣмъ своей ученостью и благочестивой жизнью. Въ 1675 году архіепископъ Черниговскій Лазарь Барановичъ, блюститель въ то же время митрополіи Кіевской, вызвалъ св. Димитрія въ Густынской монастырь близъ г. Прилукъ и здѣсь въ день св. Духа онъ былъ посвященъ въ іеромонаха, сдѣланъ проповѣдникомъ и поселился въ Черниговѣ, гдѣ и оставался до 31 іюля 1677 года, находясь въ кругу такихъ ученыхъ людей, какъ Іоанникій Голятовскій и Адамъ Зерниковъ, и проповѣдуя не только въ самомъ Черниговѣ, но и въ другихъ храмахъ епархіи. Въ теченіе двухъ лѣтъ проповѣдывалъ св. Димитрій слово Божіе и его поученія народъ слушалъ съ великимъ вниманіемъ и наслажденіемъ, потому что „слово его было твердо и солию премудрости растворено“. Здѣсь же онъ написалъ и свое первое, дошедшее до насъ, сочиненіе „Руно орошенное“, содержащее описаніе чудесъ отъ чудотворной иконы пресвятой Богородицы, находящейся въ Черниговскомъ Троицко-Ильинскомъ монастырѣ.

Между тѣмъ слава о молодомъ даровитомъ проповѣдникѣ распространилась не только по всей Малороссіи, но и въ княжествѣ Литовскомъ. Отъ разныхъ обитателей онъ получилъ приглашенія пріѣхать для проповѣданія слова Божія. И вотъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1677 года іеромонахъ Димитрій, испросивъ благословеніе архіепископа Лазаря Барановича, поѣхалъ въ Литву на поклоненіе Новод-

ворской иконѣ пресв. Богородицы, писанной, по преданію, св. Петромъ, митрополитомъ Московскимъ и всея Россіи. Прибывъ въ Новодворъ, св. Димитрій воздалъ поклоненіе чудотворному образу, когда тотъ находился еще въ старой церкви, а на слѣдующій день участвовалъ въ крестномъ ходѣ при перенесеніи этого образа въ новую церковь. Въ тотъ-же день, по приглашенію настоятеля Виленскаго Святодухова монастыря Климента Тризны, Димитрій отправился въ Вильну, гдѣ 18 августа и 22 сентября произнесъ двѣ проповѣди. Проживъ въ Вильно до 24 ноября, св. Димитрій уѣхалъ въ Слуцкъ, поселившись тамъ, по указанію епископа Бѣлорусскаго Θεодосія, въ Преображенскомъ монастырѣ. Св. Димитрій сдѣланъ былъ братскимъ проповѣдникомъ и цѣлый годъ провелъ въ этихъ трудахъ. Онъ пользовался здѣсь всеобщою любовію и вниманіемъ. Въ особенности оказывалъ къ нему свое благоволеніе нѣкто Іоаннъ Скопкевичъ, бывший основателемъ Преображенскаго монастыря. Но въ Кіевѣ и Черниговѣ живо чувствовалось отсутствіе даровитаго проповѣдника и св. Димитрій вскорѣ сдѣлался предметомъ спора. Игумень Слуцкаго братства Мокріевичъ ѣздилъ въ Черниговъ и привезъ оттуда съ собою письма отъ черниговскаго полковника Дунина—Борковскаго, который сообщалъ ему, что гетманъ настоятельно желаетъ возвращенія Димитрія, а другое отъ игумена Михайловскаго монастыря Мелетія Дзика. Но братія Слуцкой обители не хотѣла разстаться съ св. Димитріемъ и онъ, уступая усиленнымъ просьбамъ, рѣшилъ остаться у нихъ на нѣкоторое время; въ Кіевъ же къ М. Дзику послали монаха съ письмами, прося въ нихъ оставить св. Димитрія при братствѣ. Игумень Мелетій Дзикъ прислалъ

отвѣтное письмо, въ которомъ не только не „возбранилъ, но и охотно за себя и обитель разрѣшалъ ему остаться на время и съ тѣмъ, что-бы ему сіе угодно было“. А если не будетъ нужды въ обители, обѣщаль дозволить остаться и долѣе. При этомъ письмѣ игумень Мелетій прислалъ св. Димитрію въ даръ частицу мощей св. вмч. Варвары, которую онъ положилъ въ братскую церковь къ образу Спасителя. Почти одновременно съ отвѣтомъ М. Дзика св. Димитрій получилъ второе письмо отъ гетмана, въ которомъ послѣдній предлагалъ ему мѣсто проповѣдника въ Батуриинѣ. На это письмо, равно какъ и на письмо игумена, св. Димитріемъ посланы были отвѣтныя письма; но самъ онъ, удерживаемый просьбами братіи, остался опять въ Слуцкой обители. Вскорѣ послѣ сего скончался и благодѣтель св. Димитрія Іоаннъ Скоцкевичъ, при погребеніи котораго св. Димитрій сказалъ надгробное слово.

Схоронивъ своего покровителя и усиленно приглашаемый гетманомъ Самойловичемъ, св. Димитрій простился съ Слуцкомъ и отправился въ Батуриинъ къ гетману, которымъ былъ принятъ весьма ласково. Самойловичъ зналъ св. Димитрія еще по Густынскому монастырю и находился съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, такъ что самъ святитель называлъ его своимъ благодѣтелемъ. Онъ запросто бесѣдовалъ съ св. Димитріемъ и, вѣроятно, вполнѣдствіи хлопоталъ передъ Лазаремъ Барановичемъ о назначеніи его игуменомъ въ Батуриинѣ послѣ игумена Θεодосія Гугуревича. Гетманъ относился къ духовенству хорошо. Онъ самъ происходилъ изъ духовнаго званія, былъ человѣкъ набожный, имѣлъ особую ревность къ храму Божію и заботился объ его украшеніи. Онъ

назначилъ мѣстопробываніемъ для св. Димитрія Батуриискій Николаевскій Крутицкій монастырь. Здѣсь, подобно какъ и въ Слуцкѣ, св. Димитрій получилъ много приглашеній въ другія православныя обители, но уже не для одного проповѣданія слова Божія, а для управленія. Такъ, братія Кіевскаго Кириллова монастыря присылала нарочнаго просить его къ себѣ во игумена, но смиренный Димитрій отказался. Что была причина отказа—неизвѣстно. Зато счастливѣе оказались иноки Максимовской обители. На просьбу ихъ принять настоятельство въ ихъ обители св. Димитрій далъ согласіе и, простившись съ гетманомъ Самойловичемъ, отправился въ Черниговъ къ архіепископу Лазарю Барановичу, имѣя рекомендательное письмо отъ гетмана. „Сентября 4 (1681 г.), въ воскресенье, былъ я у владыки,—пишетъ самъ святитель Димитрій,—съ гетманскимъ письмомъ и принять отъ его преосвященства весьма милостиво. Какъ скоро распечаталъ онъ письмо, тотчасъ сказалъ слѣдующія слова: не читая письма, говорю: да благословитъ васъ Господь Богъ не только игуменствомъ, но, по имени Димитрія, желаю вамъ митры. Димитрій да получитъ митру!“. Въ тотъ же день св. Димитрій былъ посвященъ во игумена и затѣмъ, принявъ архіепископское благословеніе на предстоящую ему дѣятельность и напутствуемый любовію и благожеланіями, на другой день отправился во ввѣренный его управленію монастырь, гдѣ старался быть примѣромъ для братіи въ иноческихъ добродѣтеляхъ—постѣ, бдѣніи, смиреніи и послушаніи. Но, къ сожалѣнію, не долго пришлось ему пасти это малое стадо, для котораго онъ былъ истиннымъ пастыремъ, попечитель-

нымъ отцомъ, входившимъ и удовлетворявшимъ всѣ нужды братіи, чуждымъ всякой гордости и превозношенія, не смотря на свою власть игумена. Въ слѣдующемъ 1682 году, марта 1 дня, согласно желанію гетмана, онъ былъ переведенъ въ Батуринскій Николаевскій монастырь. Въ этомъ монастырѣ онъ настоятельствовадь въ теченіи лишь одного года и восьми мѣсяцевъ и 26 октября 1683 года, въ день своего ангела, онъ сложилъ съ себя игуменство и остался жить въ качествѣ простаго инока въ томъ же монастырѣ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, освободившись отъ великихъ и отвѣтственныхъ трудовъ по настоятельству, непривычныхъ для подвижника благочестія, всецѣло посвятить себя на служеніе Господу.

Но привыкшему къ тихой и уединенной жизни св. Димитрію не долго пришлось наслаждаться желаннымъ покоемъ. Варлаамъ Ясинскій, благочестивый архимандритъ Кіево-Печерской лавры, предложилъ св. Димитрію переселиться въ знаменитую обитель первыхъ русскихъ подвижниковъ. Св. Димитрій принялъ приглашеніе—и это переселеніе составляетъ эпоху въ его жизни. Архимандритъ Варлаамъ задумалъ осуществить громадный трудъ—составить и издать житія всѣхъ святыхъ. Правда, въ то время имѣлись житія святыхъ, составленныя всероссійскимъ патріархомъ Макаріемъ; но они не удобны были для всеобщаго употребленія по своему не для всѣхъ понятному языку. Варлаамъ искалъ для осуществленія такого великаго предпріятія челоуѣка ученаго и благочестиваго и выборъ его остановился на св. Димитріи. Св. Димитрій сначала отказывался отъ подобнаго труда, находя его непосильнымъ для одного себя, но потомъ, побуждаемый

усиленными просьбами Ясинскаго и твердо надѣясь на помощь Божию и угодниковъ Божіихъ, взялъ на себя этотъ тяжелый трудъ. Съ любовью и энергіей молодости отдался св. Димитрій своимъ новымъ занятіямъ, которыя стоили ему двадцатилѣтняго кропотливаго труда и оказали незабвенную услугу русской православной церкви. По прошествіи двухъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ со дня сложенія съ себя игуменства въ Батуриномъ Николо-Крутицкомъ монастырѣ гетманъ Самойловичъ сталъ убѣждать его снова принять настоятельство въ этой обители; просьбу гетмана поддерживалъ и Кіевскій митрополитъ Гедеонъ и другія лица. Долго не рѣшался св. Димитрій принять предложеніе гетмана, но, наконецъ, въ виду настойчиваго его желанія, согласился и февраля 9 дня 1680 года принялъ вышеупомянутый монастырь въ свое управленіе. Здѣсь св. Димитрій докончилъ первую четверть Минеи-Четіихъ и, по разсмотрѣніи ихъ архимандритомъ Варлаамомъ Ясинскимъ, въ январѣ 1689 года приступилъ къ печатанію, которое было окончено въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Появленіе въ свѣтъ Четіихъ-Миней, составленныхъ св. Димитріемъ, вызвало неудовольствіе со стороны Московскаго патріарха Іоакима. Онъ послалъ архимандриту Варлааму грамоту, въ которой упрекалъ его за то, что изданіе житій было сдѣлано безъ его разрѣшенія. Упреки эти, впрочемъ, не касались св. Димитрія, который въ послѣдствіи отъ самого патріарха получилъ одобреніе и благословеніе на продолженіе своего святого дѣла. Это случилось такимъ образомъ. Гетману Мазепѣ предписано было явиться въ Москву. Съ нимъ отправились туда, вѣроятно, по какимъ—нибудь церковнымъ дѣламъ, игумены Батуринаскаго Ни-

коло-Крутицкаго монастыря Димитрій и Кіевскаго Троицкаго Кириллова монастыря Иннокентій.

Прибывъ въ столицу, они представились сначала царю Іоанну Алексѣвичу и сестрѣ его Софіи Алексѣвнѣ. Затѣмъ отправились въ Троице-Сергіеву лавру, гдѣ въ то время находился царь Петръ и патріархъ Іоакимъ. Представившись царю, св. Димитрій явился и къ патріарху, чтобъ получить отъ него благословеніе. Патріархъ далъ ему совѣтъ продолжать начатый трудъ и въ благословеніе далъ образъ пресв. Богородицы. Поощренный вниманіемъ, оказаннымъ ему патріархомъ, св. Димитрій еще съ большею ревностію приступилъ къ дальнѣйшему составленію Миней-Четіихъ. А для того, чтобы ничто не мѣшало заниматься этимъ трудомъ, онъ переселился изъ настоятельскихъ келлій въ спеціально устроенный имъ при церкви святителя Николая домикъ, гдѣ и началъ писать вторую книгу Миней-Четіихъ. Между тѣмъ скончался патріархъ Московскій Іоакимъ и на патріаршій престолъ вступилъ Андріанъ, который, въ поощреніе трудовъ св. Димитрія, прислалъ ему благословенную грамоту и просилъ новаго митрополита Кіевскаго Варлаама Ясинскаго и будущаго архимандрита Кіево-Печерской лавры оказывать содѣйствіе свое во всемъ „искусному и благоумному и благоусердному дѣятелю“. Въ отвѣтъ на эту грамоту св. Димитрій весь изливается въ чувствѣ смиренной благодарности за вниманіе, оказанное ему патріархомъ. Послѣ того святитель усугубилъ свои труды. Онъ отказался отъ настоятельства и, пользуясь досугомъ, въ слѣдующемъ году приготовилъ къ печати вторую книгу Миней-Четіихъ, при чемъ самъ трудился при печатаніи. Послѣ Лазаря Барановича архієпископскую

каѳедру въ Черниговѣ занялъ Ѳеодосій Углицкій. Игумень св. Димитрій былъ переведенъ имъ въ 1694 году въ Петро-Павловскій монастырь, находящійся въ 20 верстахъ отъ г. Глухова, а по смерти его, въ январѣ мѣсяцѣ 1697 года, Кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ былъ перемѣщенъ въ Кіевскій Кирилловскій монастырь. Пробывъ въ немъ нѣсколько мѣсяцевъ, св. Димитрій былъ переведенъ въ Елецкій Успенскій монастырь, гдѣ находился до 1699 года, при чемъ былъ посвященъ въ санъ архимандрита. По прошествіи двухъ лѣтъ, св. Димитрій былъ перемѣщенъ отсюда въ Спасо-Преображенскій монастырь, находящійся въ г. Новгородѣ-Сѣверскомъ, и настоятельствовадь тамъ до марта 1701 года. Въ бытности его настоятелемъ этой обители имъ была напечатана третья часть Миней-Четіихъ. По прежнему и эта часть печаталась въ Кіево-Печерской лаврѣ, настоятель которой архимандритъ Іоасафъ Краковскій въ знакъ глубокой признательности прислалъ ему въ благословеніе икону пресв. Богородицы, ту самую, которую подарилъ царь Алексѣй Михайловичъ митрополиту Петру Могилѣ. Въ теченіи двадцати лѣтъ св. Димитрій былъ настоятелемъ пяти разныхъ монастырей и дважды одного Батуринаскаго Николо-Крутицкаго. Такія частыя перемѣны мѣстопробыванія св. Димитрія вызывались съ одной стороны желаніемъ духовнаго начальства доставить той или другой обители лучшаго настоятеля, а съ другой стороны—почтить самого св. Димитрія высшимъ мѣстомъ служенія.

Въ 1700 году умеръ тобольскій митрополитъ Павелъ. Императоръ Петръ Великій, ревнуя о просвѣщеніи свѣтомъ христіанства отдаленныхъ окраинъ имперіи и сопредѣльнаго Китая, рѣшилъ

послать туда человека, способнаго къ миссіонерской дѣятельности. Послѣ совѣщанія о семъ съ патріархомъ именнымъ указомъ повелѣно было Кіевскому митрополиту Варлааму „поискать изъ архимандритовъ и игуменовъ или другихъ иноковъ добраго и ученаго и благаго, непорочнаго житія, которому бы въ Tobольскѣ быть митрополитомъ, и могъ бы Божіею помощію исподволь въ Китаѣ и въ Сибири въ слѣпотѣ идолослуженія и другихъ невѣжествіяхъ закоснѣлыхъ человекъ приводить въ познаніе и служеніе и поклоненіе истиннаго живаго Бога“. Митрополитъ Варлаамъ указалъ на св. Димитрія, какъ человека добродѣтельной жизни, краснорѣчиваго проповѣдника, зарекомендовавшаго себя точнымъ исполненіемъ возлагаемыхъ на него обязанностей. Черезъ полтора мѣсяца по пріѣздѣ своемъ въ Москву св. Димитрій былъ рукоположенъ въ митрополита Сибирскаго Стефаномъ Яворскимъ, митрополитомъ Рязанскимъ. Хиротонія его совершалась въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, 23 марта 1701 года. Но эта великая награда за его подвижническую жизнь и долговременные труды не радовала святителя. Слабое отъ природы здоровье св. Димитрія, вдобавокъ еще сильно растроенное продолжительными и разнообразными трудами, не могло бороться съ суровымъ климатомъ Сибири; притомъ дѣло, за которое думали наградить его осталось бы недоконченнымъ по отдаленности отъ того мѣста, гдѣ удобнѣе находить средства для его окончанія. Мысль объ этомъ неудобствѣ до того безпокоила святителя, что онъ вскорѣ послѣ хиротоніи сдѣлался боленъ. Больнаго святителя посѣтилъ самъ царь и, услышавъ отъ него причину его скорби и болѣзни, успокоилъ его, отмѣнилъ отъѣздъ его

въ Сибирь и дозволилъ временно, впредь до назначенія его на другую епархію, проживать въ Москвѣ. 10 ноября 1701 года преставился Ростовскій митрополитъ Іоасафъ Лазаревичъ и на его мѣсто указомъ царя, отъ 4 января 1702 года, былъ опредѣленъ св. Димитрій.

Во время пребыванія своего въ столицѣ, продолжавшагося почти цѣлый годъ, святитель имѣлъ возможность ознакомиться съ новыми порядками, вводимыми тогда державною рукою Петра Великаго. Онъ уже не засталъ въ живыхъ патріарха Адріана. Управление патріаршими дѣлами императоръ Петръ возложилъ на Рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, къ которому святитель питалъ глубокое уваженіе, представлялъ на судъ его свои сочиненія, хотя митрополитъ Стефанъ былъ и моложе его. Знакомство это перешло впослѣдствіи между ними въ крѣпкую дружбу. Оправившись отъ болѣзни, св. Димитрій и въ Москвѣ занимался проповѣданіемъ слова Божія. Здѣсь же онъ приобрѣлъ дорогое для него знакомство нѣкоторыхъ ученыхъ, которые позже помогали ему многими справками въ книгахъ, находившихся въ Москвѣ, для ученыхъ его трудовъ, предпринятыхъ въ г. Ростовѣ. Житія святыхъ и частое проповѣданіе слова Божія въ Москвѣ сдѣлали святителя Димитрія извѣстнымъ и многимъ знатнымъ лицамъ. Особенное почтеніе оказывала ему царица Параскева Θεодоровна, супруга умершаго царя Іоанна Алексѣевича, которую и самъ Петръ Великій отличалъ своей любовію и уваженіемъ между другими лицами царствующаго дома. Нерѣдко она присылала потомъ въ Ростовъ разные подарки для трапезы св. Димитрія или что-нибудь ему изъ одежды. Ибо въ то время, когда святи-

тель долженъ былъ отправиться на свою паству, всѣ доходы съ архіерейскихъ вотчинъ собирались въ монастырскій приказъ. Такъ, къ одному своему старинному московскому другу св. Димитрій писалъ, что „онъ чуть не пѣшкомъ бродить: ни коня, ни всадника—оскудѣша; овцы отъ пищи, и лошадей нѣтъ“. Въ этомъ же письмѣ святитель наказываетъ своему другу, чтобы онъ у извѣстныхъ благодѣтелей его „попросилъ чаю не великое: въ Ростовѣ нѣсть гдѣ взять, а надобно временемъ“.

Пробывъ въ Москвѣ послѣ своего назначенія до послѣднихъ чиселъ февраля мѣсяца, св. Димитрій, напутствуемый благожеланіями своихъ московскихъ друзей, выѣхалъ въ Ростовъ, куда и прибылъ 1 марта 1702 года. Онъ пророчески предвидѣлъ, что это послѣднее мѣсто его служенія будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстомъ вѣчнаго упокоенія. Остановившись въ Спасо-Яковлевскомъ монастырѣ, находящемся на ближайшемъ отъ Москвы краю города, онъ совершилъ обычное моленіе въ церкви Зачатія пресв. Богородицы, гдѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи св. Іакова, епископа Ростовскаго, основателя монастыря, и, выходя изъ храма, указалъ въ правомъ углу его мѣсто для своего погребенія, сказавъ: „се покой мой, здѣ вселюся во вѣкъ вѣка“. Отсюда святитель отправился въ Ростовскій Успенскій соборъ, гдѣ служилъ божественную литургію. По окончаніи ея, святитель привѣтствовалъ свою паству краткимъ словомъ, въ которомъ напомнилъ ей о древнемъ союзѣ церкви Ростовской съ Кіево-Печерской лаврою, откуда онъ несъ паствѣ св. Исаи благословеніе Божіе и, бесѣдуя, какъ отецъ съ дѣтьми, кратко изобразилъ взаимныя обязан-

ности пастыря и пасомыхъ. Гражданег. Ростова, при встрѣчѣ святителя, поднесли ему икону пресв. Богородицы, которая и въ настоящее время находится въ Зачатьевской церкви Яковлевскаго монастыря.

Почти семилѣтнее пребываніе святителя на митрополиі Ростовской ознаменовано было непрерывными заботами о благѣ ввѣренной ему паствы и трудами, польза которыхъ простиралась на всю православную русскую церковь. Къ великому прискорбію, онъ нашелъ свое духовенство въ самомъ жалкомъ положеніи: училищъ въ Ростовѣ не существовало и пастыри вмѣстѣ съ пасомыми коснѣли въ невѣжествѣ и грубой невнимательности къ своимъ прямымъ священнымъ обязанностямъ. Такъ, до него стали доходить чаще и чаще слухи о безпорядкахъ въ городахъ и селлахъ, проистекавшихъ отъ нерадѣнія и невѣжественности священниковъ, дозволявшихъ себѣ разныя злоупотребленія при исполненіи священныхъ обязанностей. Святитель, конечно, не замедлилъ принять пастырскія мѣры противъ сего ужаснаго зла. До насъ дошло два его окружныхъ посланія къ духовенству. Въ одномъ изъ нихъ святитель обличаетъ нѣкоторыхъ священниковъ въ томъ, что они обнаруживаютъ грѣхи своихъ духовныхъ дѣтей и оставляютъ бѣдныхъ прихожанъ безъ исповѣди и причащенія св. Таинъ предъ смертію, а въ другомъ посланіи внушаетъ особенное благоговѣніе къ храненію св. даровъ для причащенія больныхъ и къ совершенію литургіи. Съ этихъ поученій были сдѣланы многіе списки и разсланы по городамъ и уѣздамъ къ заказнымъ старостамъ съ предписаніемъ, чтобы каждый священникъ съ сихъ поученій сдѣлалъ себѣ списокъ и старался во всемъ исполнять изложенное въ нихъ безъ опущенія.

Но святитель Димитрій хорошо сознавалъ, что одними предписаніями нельзя было исправить всего дѣла. Прежде всего нужно было, чтобы руководители духовною жизнью пасомыхъ сами получали надлежащее образованіе. А для сего нужно было училище. И святитель занялся имъ съ пламеннымъ усердіемъ. Онъ устроилъ въ Ростовѣ при архіерейскомъ домѣ духовную семинарію для священно-церковнослужительскихъ дѣтей, которыхъ на первыхъ порахъ собралось болѣе двухъ сотъ человѣкъ. Раздѣливъ ихъ на три класса для лучшаго порядка и наблюденія, онъ поручилъ ученіе и надзоръ за дѣтьми тремъ учителямъ испытаннаго поведенія. За отбытіемъ учителей, самъ занимался обученіемъ. Болѣе способнымъ въ свободные часы толковалъ нѣкоторыя книги ветхаго завѣта, въ лѣтнее же время, пребывая въ архіерейскомъ своемъ селѣ Демьянахъ, между прочими богоугодными своими дѣлами, объяснялъ имъ новый завѣтъ. Заботясь объ умственномъ развитіи своихъ учениковъ, св. Димитрій также тщательно слѣдилъ и за ихъ нравственнымъ воспитаніемъ, воспитывая въ нихъ особенно любовь къ храму Божию и постановленіямъ церкви. Онъ собиралъ учениковъ по праздникамъ ко всенощной и литургіи въ соборную церковь и слѣдилъ за неопустительнымъ посѣщеніемъ ими богослуженій, для чего во время всенощной, послѣ первой каѳизмы, благословлялъ учениковъ, наблюдая, нѣтъ-ли отсутствующихъ. Въ четырехдесятницу и прочіе посты обяывалъ ихъ говѣть и самъ пріобщалъ всѣхъ учениковъ. Святитель среди нихъ былъ какъ любящій отецъ среди своихъ чадъ. Обращеніе его съ ними было чисто отеческое. Онъ близко входилъ въ положеніе всѣхъ, а особенно бѣдныхъ

и несчастныхъ воспитанниковъ. Окончившимъ курсъ въ его училищѣ онъ давалъ мѣста при церквахъ по собственному усмотрѣнію. Какъ среди собственной любимой семьи, святитель искалъ здѣсь покоя и подкрѣпленія послѣ своихъ трудовъ. Съ ними же онъ дѣлился тѣмъ, что было близко его сердцу, что было предметомъ его думъ и завѣтныхъ желаній. Съ такой любовью, съ такимъ отеческимъ вниманіемъ св. Димитрій относился къ питомцамъ своей школы до конца жизни. Будучи слабаго здоровья, святитель нерѣдко бывалъ боленъ. Во время приступовъ болѣзни онъ посылалъ въ семинарію и приказывалъ воспитанникамъ читать молитву Господню пять разъ въ воспоминаніе пяти язвъ Иисусовыхъ и дѣтская молитва, сильная предъ Богомъ, всегда приносила облегченіе недуговавшему святителю. Но среди своихъ многочисленныхъ занятій св. Димитрій не забывалъ своего главнаго труда—писанія житій святыхъ. По этому поводу онъ нерѣдко входилъ въ письменныя сношенія съ своими московскими друзьями и знакомыми; читалъ огромныя книги источниковъ, исправлялъ нѣкоторыя мѣста въ прежнихъ своихъ изданіяхъ и, наконецъ, 9 февраля 1705 года закончилъ свой трудъ, продолжавшійся цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Объ этой святой радости своей великій труженикъ писалъ Теологу: „Срадуйтеся мнѣ духовно, что при помощи вашихъ молитвъ сподобилъ меня Господь къ августу мѣсяцу написать: аминь“. Свою рукопись онъ послалъ въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ она и была напечатана въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1705 года.

Окончивъ свой трудъ, въ іюнѣ того же 1705 года св. Димитрій отправился въ Ярославль. Этотъ второй по количеству народонаселенія городъ

енархіи всегда обращалъ на себя его пастырское вниманіе. Прибывъ сюда, святитель узналъ о новыхъ нуждахъ и о новыхъ и старыхъ недугахъ своихъ пасомыхъ. Въ этомъ году вышло отъ Петра Великаго въ третій разъ подтвержденіе, чтобы всѣ, исключая духовныхъ, брились, а на тѣхъ, которые не исполняютъ этого распоряженія, налагать штрафъ. Такое распоряженіе Петра, подобно многимъ другимъ, имѣло цѣлю сближить русскихъ съ европейцами. Но въ Ярославлѣ святитель нашелъ велемудрыхъ людей, разсуждавшихъ объ этомъ совсѣмъ иначе: для нихъ лишеніе бороды и усовъ было не что иное, какъ искаженіе образа и подобія Божія. Вотъ какъ самъ онъ описываетъ свою первую встрѣчу съ такими людьми: „Въ лѣто 1705, бывшу ми во градѣ Ярославлѣ, въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцѣхъ, и во единъ отъ воскресныхъ дней изъ церкви соборнѣй по святѣй литургіи изшедшу ми и ко двору своему грядущу, два нѣкїи чловѣки брадаты, но не стары, приступльше ко мнѣ, воззваша, глаголюще: владыко святыи! какъ ты велишь? велятъ намъ по указу государеву брады брити, а мы готовы главы наши за брады наши положить; уне есть намъ, да отсѣкутся наци главы, неже да бріють брады наша. Азъ же нечаянному и внезапному вопросу тому удивихся и не возмогахъ вскорѣ что отъ писанія отвѣщати, противу вопросихъ ихъ, глаголя: что отрасли, глава ли отсѣченная или брада обрѣенная? Они, усумнѣвшесея и мало помолчавше, рѣша: брада отрасли, а глава ни. Азъ же рѣхъ имъ: уне убо вамъ есть не пощадити брады, яже и десятирицею бріема отрасли, неже потерять главу, яже, единою отсѣчена, не отрасли никогда же, развѣ во общее воскресеніе. То рекъ, идохъ въ келлію мою“. Въ

келлію съ митрополитомъ вошли многіе именитые граждане города, съ которыми у него завязалась бесѣда о брадобритіи. Обрившіеся по указу государя съ сердечнымъ сокрушеніемъ говорили, что они теперь сомнѣваются даже въ спасеніи своихъ душъ, такъ какъ потеряли образъ и подобіе Божіе. И говорившіе это не были раскольники, ибо обращались за разрѣшеніемъ своихъ вопросовъ и недоумѣній къ православному архипастырю. А потому такое заблужденіе требовало обличенія, и святитель Димитрій по сему поводу написалъ сочиненіе „объ образѣ Божіи и подобіи въ человѣцѣ“, которое разослалъ по епархіи и которое по повелѣнію государя неоднократно печаталось. Слыша о появленіи раскольническихъ бредней среди своей паствы, онъ неоднократно предпринималъ обзорѣнія своей епархіи, всюду произнося проповѣди, и для противодѣйствія толкамъ раскольниковъ написалъ для нея два сочиненія: „Катихизисъ“ и „Вопросы и отвѣты о вѣрѣ“.

Съ каждымъ годомъ здоровье святителя, истощенное тяжелыми учеными трудами и духовными подвигами, становилось все болѣе и болѣе слабымъ и неблагонадежнымъ, такъ что онъ передъ пасхою 1707 года написалъ духовное завѣщаніе, которое и вручилъ другу своему митрополиту Стефану Яворскому. Но не смотря на свои недуги и скорби, не смотря на преклонность лѣтъ, святитель чувствовалъ себя довольно еще бодрымъ, чтобы принять на себя трудъ, требовавшій, по видимому, болѣе крѣпкихъ силъ и болѣе средствъ, чѣмъ какія могли быть у него подъ руками. Онъ рѣшилъ заняться составленіемъ „Лѣтописи“ или Священной Исторіи. Дѣло пошло быстро, хотя и далеко было до конца. Святитель отдавалъ напи-

санное на разсмотрѣніе друга своего митроп. Стефана и, получая его замѣчанія, безпрекословно поправлялъ свой трудъ. Въ этой перепискѣ двухъ тогдашнихъ свѣтильниковъ русской церкви видна ихъ самая нѣжная дружба. Лѣтописецъ остановился на шестомъ столѣтіи четвертой тысячи лѣтъ и не безъ причины. Въ томъ-же 1707 году святитель получилъ извѣстіе, что во многихъ городахъ и селеніяхъ его епархіи появились расколотители, которые соблазняютъ невѣждъ изъ православныхъ и стараются, распространяя свое еретическое ученіе между темными людьми, отторгнуть истинныхъ чадъ ея отъ православной церкви. Ревностный святитель, заботясь о сохраненіи вѣранныхъ ему душъ пасомыхъ отъ уловленія въ раскольническія сѣти, немедленно отправился въ путешествіе по епархіи, вездѣ поражая враговъ православія своимъ побѣдоноснымъ словомъ, и недовольствуясь симъ, для утвержденія колеблющихся въ православіи и возвращенія заблудшихъ съ пути истиннаго, дрожащею рукою написалъ извѣстную книгу подъ заглавіемъ: „Розыскъ о раскольнической брынской вѣрѣ, о ученіи ихъ, о дѣлахъ ихъ“, въ которомъ доказывалъ, что вѣра ихъ неправа, ученіе ихъ душевредно и дѣла ихъ не богоугодны. Это былъ послѣдній трудъ святителя, подаренный имъ русской православной церкви, какъ могущественное оружіе противъ раскольниковъ, за который въ тропарѣ ему она величаетъ св. Димитрія „искоренителемъ раскола“.

Неусыпно трудясь для пользы святой церкви и отечества, святитель Димитрій и во время составленія своего „Розыска“ занимался разрѣшеніемъ такихъ историческихъ вопросовъ, которые и въ позднѣйшія времена были предметомъ про-

должительныхъ ученыхъ изысканій, а послѣ написанія „Розыска“ хотѣлъ опять продолжать составленіе „Лѣтописи“. Но день его блаженной кончины приближался. Онъ видѣлъ это ясно и только жалѣлъ, что, многое начавъ, не успѣлъ ни продолжить, ни кончить; о многомъ замышлялъ, но некогда было и начать. Особенно же сожалѣлъ онъ о томъ, что его „Лѣтопись“ останется не доконченной.

За нѣсколько дней до кончины святителю донесли о скоромъ прибытіи въ Ростовъ царицы Параскевы Ѳеодоровны для поклоненія чудотворной Толгской иконѣ Божіей Матери, которую, по причинѣ осенней погоды, затруднявшей путешествіе царицы въ Ярославль, рѣшено было изъ этого города перенести въ Ростовъ. Услышавъ объ этомъ, святитель призвалъ своего казначея іеромонаха Филарета и пророчески объявилъ ему о близости своей кончины: „Се грядутъ въ Ростовъ,— говорилъ онъ,— двѣ гостьи, Царица Небесная и царица земная; токмо я уже видѣть ихъ не сподоблюся, и надлежитъ къ принятію оныхъ готову быть тебѣ, казначею“. За три дня до преставленія св. Димитрія болѣзнь, давно таившаяся въ груди его, обнаружилась съ особенною силою: онъ сильно кашлялъ.

Не смотря на это, святитель старался казаться крѣпкимъ. Въ день своего тезоименитства, 26-го октября, самъ совершалъ литургію въ соборѣ, но поученія, приготовленнаго на сей разъ, не могъ сказать и заставилъ читать оное одного изъ пѣвчихъ. Послѣ литургіи присутствовалъ за обѣдомъ въ крестовой палатѣ, хотя самъ ничего не вкушалъ. На другой день онъ принималъ архимандрита изъ Переяславскаго Данилова монастыря и

посѣтилъ монахиню Варсонофію, бывшую кормилицей царевича Алексѣя Петровича. Пробывъ у ней самое короткое время, онъ уже съ большимъ трудомъ могъ дойти до своей келліи, опираясь на служителей.

Святитель скончался 28 октября 1709 года. Трогательны обстоятельства, сопровождавшія его блаженную кончину. Въ нихъ выразилась вся полнота любви и смиренія. Святитель призвалъ къ себѣ пѣвчихъ для пѣнія имъ самимъ сочиненныхъ духовныхъ пѣсней: „Исусе мой прелюбезный“, „Надежду мою въ Бозѣ полагаю“, „Ты мой Богъ, Исусе, Ты моя радость“. Онъ слушалъ пѣвчихъ, грѣясь подлѣ печи, и это пѣніе услаждало его душу звуками, вылившимися изъ нея самой. По окончаніи пѣнія, отпустивъ пѣвчихъ, святитель удержалъ одного изъ нихъ, болѣе любимаго имъ за усердіе въ переписываніи его сочиненій, и началъ рассказывать ему о своей жизни, какъ онъ проводилъ ее въ юности и въ совершенномъ возрастѣ, какъ молился Богу и Пречистой Его Матери и всѣмъ угодникамъ. „И вы, дѣти, молитесь также“, прибавилъ святитель. Потомъ благословилъ пѣвчаго и, провожая его изъ келліи, поклонился ему едва не до земли и благодарилъ его за усердіе въ перепискѣ сочиненій. Пѣвчій содрогнулся, видя такое смиреніе своего архипастыря, и съ благоговѣніемъ сказалъ: „мнѣ-ли, послѣднему рабу, владыка святой, такъ кланяешься?“ Святитель кротко повторилъ ему свою благодарность и возвратился въ келлію. Пѣвчій, заплакавъ, удалился. Послѣ сего святитель приказалъ служителямъ разойтись, а самъ заключился въ особую комнату, какъ-бы для покоя, и наединѣ

предался горячей молитвѣ Богу. Утромъ служители, войдя въ эту комнату, нашли св. Димитрія скончавшимся на колѣнахъ въ положеніи молящагося. Такова была кончина св. Димитрія. Молитва услаждала его при жизни, молитва сопровождала его и въ міръ ангельскій, къ Богу. Тѣло святителя, по облаченіи его въ архіерейскія одежды, заранѣе имъ приготовленныя, въ тотъ-же день было перенесено въ домовую церковь. Въ гробъ подъ главу и подъ все тѣло постланы были, согласно завѣщанію, его черновыя бумаги.

Неожиданная вѣсть о преставленіи св. Димитрія быстро разнеслась по всему Ростову; ко гробу стеклось множество народа, искренно оплакивавшего кроткаго и милостиваго архипастыря. Въ тотъ-же день прибыла въ Ростовъ царица Параскева Ѳедоровна съ царевнами: Екатериною, Параскевою и Анною Іоанновными. Царица, не заставъ въ живыхъ святителя, много плакала о томъ, что не удостоилась принять отъ него благословеніе и повелѣла соборнѣ отслужить панихиду. По ея повелѣнію тѣло святителя 30-го октября перенесено было изъ крестовой церкви въ соборную съ подобающею честію. Царица вторично отслужила панихиду и, въ послѣдній разъ простившись съ угодникомъ Божиимъ, отправилась въ Москву. Между тѣмъ извѣщенъ былъ о кончинѣ святителя царь Петръ Великій, который принялъ живое участіе въ похоронахъ великаго святителя, взявъ на себя нѣкоторые расходы при его погребеніи. Дано было знать о кончинѣ святителя и другу преставившагося, митрополиту Рязанскому Стефану Яворскому, съ которымъ онъ еще при жизни условился, чтобы тотъ, который изъ нихъ пере-

живеть другого, совершилъ-бы его погребеніе. Прибывъ въ Ростовъ и пройдя прямо въ соборную церковь, знаменитый іерархъ долго плакалъ надъ тѣломъ своего друга и приказалъ казначею іеромонаху Филарету готовить все нужное къ погребенію святителя въ Яковлевскомъ монастырѣ. Тогда настоятели Ростовскихъ монастырей, братія собора и многіе изъ гражданъ приступили къ митрополиту Стефану съ просьбою погребсти св. Дмитрія въ соборѣ, гдѣ обыкновенно погребались прежніе архіереи. Но митр. Стефанъ, ссылаясь на завѣщаніе святителя, не внялъ ихъ просьбъ. Изъ монастырскаго приказа предписано было, выкопавъ могилу въ указанномъ самимъ святителемъ мѣстѣ, выстлатъ ее камнемъ, а гробницу сдѣлать каменную. Почему этотъ указъ не былъ исполненъ въ точности—неизвѣстно; но, очевидно, что не безъ особеннаго устройства Промысла Божія случилось такъ, что, вмѣсто указаннаго въ приказѣ, былъ сдѣланъ одинъ только деревянный срубъ, который отъ сырости скоро сгнилъ, какъ это сдѣлалось извѣстно изъ донесенія объ обрѣтеніи мощей святителя, которое было представлено св. Синоду.

Въ назначенный для погребенія день, 25-го ноября, митр. Стефанъ Яворскій, вѣрный завѣту дружбы, совершилъ литургію и чинъ отпѣванія, послѣ чего тѣло почившаго святителя, при участіи всего городского духовенства и въ сопровожденіи множества народа, было перенесено изъ соборнаго храма въ Спасо-Яковлевскій монастырь и здѣсь предано зѣмлѣ. При погребеніи митр. Стефанъ сказалъ надгробное слово, въ которомъ часто повторялъ слова: „Святъ Дмитрій, святъ“.

Послѣ св. Дмитрія не осталось никакого иму-

щества, кромѣ библіотеки, состоявшей изъ греческихъ, латинскихъ, польскихъ и славянскихъ книгъ, рукописныхъ и печатныхъ, которая тогда же отослана была митр. Стефаномъ Яворскимъ въ Московскую патріаршую библіотеку. Изъ духовнаго завѣщанія, врученнаго св. Димитріемъ своему другу, удостовѣрились, что онъ былъ богатъ въ жизни одною только нищетою евангельскою.

„Никто же да трудится по смерти моей,—писаль онъ въ завѣщаніи,—испытуя или взыскуя какого-либо келейнаго моего собранія, ибо ниже на погребеніе что оставляю, ни на поминовленіе, да нищета иноческа я наипаче по кончинѣ явится Богу. Вѣрую бо, яко пріятнѣе Ему будетъ, аще ни едина цата по мнѣ не останется, неже егда бы многое собраніе было раздаваемо. И аще мене тако нища никто же восхощетъ обычному предати погребенію, молю убо тѣхъ, иже свою смерть памятствуютъ, да отвлекутъ мое грѣшное тѣло въ убогій домъ и тамо между трупіями да повергнутъ е. Аще же владычествующихъ изволеніе повелитъ мя умерша погребсти по обычаю, то молю христіолюбивыхъ погребателей, да погребутъ мя въ монастырѣ святаго Іакова, епископа Ростовскаго, въ углу церковномъ, идѣже мѣсто ми назнаменованъ; о семъ челомъ бую“. Но такой свѣтильникъ церкви, еще при жизни своей сіявшій вмѣстѣ съ небожителями, не могъ, по благодати, данной ему отъ Бога, долго оставаться подъ спудомъ. Въ 1752 году, при поправкѣ въ Яковлевскомъ монастырѣ чугуннаго пола близь гробницы св. Димитрія, былъ обрѣтенъ въ бревенчатомъ срубѣ стоявшій на грязи деревянный гробъ съ нетлѣнными мощами св. Димитрія. Митрополитъ Арсеній,

получивъ о томъ донесеніе, 21 сентября прибылъ въ Яковлевскій монастырь и нашель, что деревянный гробъ святителя и даже все его облаченіе, не смотря на сырость, остались невредимы. Вслѣдствіе сего, митрополитъ приказалъ вынуть гробъ съ мощами св. Димитрія и поставить въ церкви; скласть, вмѣсто прежняго деревяннаго обрuba, каменную гробницу и приготовить дубовый гробъ. Октября 9 дня, когда все было готово, преосвященный отправилъ предъ литургіею панихиду по св. Димитріи и, положивъ гробъ его въ другой, дубовый, опустилъ оный въ каменную гробницу, заперъ замкомъ и запечаталъ своею печатью. 10 числа того же мѣсяца митрополитъ донесъ о семъ подробно св. Синоду. Между тѣмъ дары чудесъ отъ угодника Божія изливались обильно на всѣхъ, съ вѣрою просившихъ его помощи и заступленія. Въ печатномъ сказаніи о чудотвореніяхъ при гробѣ св. Димитрія указано 16 исцѣленій, совершившихся между временемъ обрѣтенія мощей и временемъ торжественнаго открытія ихъ, надъ тѣми больными, которые съ вѣрою служили панихиду святителю и лобызали его мощи. Кромѣ того, и въ рукописяхъ упоминается о значительномъ числѣ исцѣленій, изъ которыхъ многія весьма замѣчательны. Всѣ они громко говорили о святой силѣ мощей великаго святителя. Слухъ объ этихъ чудесахъ достигъ и до императрицы Елизаветы Петровны. Она повелѣла св. Синоду истребовать о томъ секретно свѣдѣнія отъ ростовскаго митрополита. Съ этимъ порученіемъ посланъ былъ въ Ростовъ синодальный прапорщикъ Барановъ, который тогда же и доставилъ требуемыя императрицей свѣдѣнія. По докладѣ сихъ свѣдѣній императрицѣ, указомъ св. Синода повелѣно было осви-

дѣтельствовавши мощи св. Димитрія Суздальскому митрополиту Сильвестру и архимандриту Московскаго Симонова монастыря Гавріилу. По освидѣтельствovanіи, 1 апрѣля 1757 года, мощи святителя Димитрія были оглашены святыми, и день обрѣтенія ихъ, 21 сентября, назначенъ днемъ празднованія святому. Служба на сей случай составлена была Амвросіемъ Каменскимъ, епископомъ Переяславскимъ, а житіе святителя, по порученію св. Синода, написалъ митрополитъ Ростовскій Арсеній.

По повелѣнію императрицы Елизаветы Петровны, для св. Димитрія была устроена великолѣпная кованая рака, сдѣланная изъ перваго серебра, открытаго въ Сибири. Но ей не суждено было положить въ эту раку мощей святителя. Это счастье выпало на долю императрицы Екатерины II, которая для участія въ семъ торжествѣ пришла изъ Москвы въ Ростовъ пѣшкомъ. Вечеромъ 24 мая 1763 года она прибыла въ монастырь для слушанія всенощнаго бдѣнія. Передъ началомъ службы гробъ съ мощами св. Димитрія былъ вынутъ изъ прежней раки, поставленъ среди храма и покрытъ пожалованнымъ императрицей золотымъ парчевымъ покровомъ. Въ это время на мѣстѣ прежней раки утверждена была новая. 25 мая, по высочайшему повелѣнію, назначенъ былъ изъ Ростовскаго Успенскаго собора въ Яковлевскій монастырь крестный ходъ. Утромъ императрица прибыла въ соборъ, а оттуда съ крестнымъ ходомъ изволила шествовать въ Яковлевскій монастырь. По вступленіи въ Зачатьевскую церковь, императрица, вмѣстѣ съ архипастырями, подняла гробъ съ мощами св. Димитрія, обнесла оный вокругъ

храма и, по входѣ въ церковь, поставила оный въ новоустроенную раку. Такъ угодно было Господу прославить святителя Димитрія за его праведную жизнь, за его великіе труды, подъятые на пользу церкви православной, и за постоянныя заботы по утвержденіи вѣры и благочестія въ душахъ словесныхъ овецъ ввѣреннаго его пасенію стада Христова.

